

УДК 008; 7.77

ББК 85с

Юргенева Александра Львовна

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник, сектор художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, 125009, Россия, Москва, Козицкий пер., 5
ORCID ID: 0000-0002-0465-4728
ResearcherID: AAV-4275-2021
lvovushka@yandex.ru

Ключевые слова: ритуал, социальные сети, фотография, приватность, публичность

Юргенева Александра Львовна

Фотография, социальные сети и современные ритуалы

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2022-1-340-367

Для цит.: Юргенева А.Л. Фотография, социальные сети и современные ритуалы // Художественная культура. 2022. № 1. С. 340–367. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-1-340-367>.

For cit.: Yurgeneva A.L. Photography, Social Networking Sites, and Modern Rituals. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2022, no. 1, pp. 340–367. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-1-340-367>. (In Russian)

Yurgeneva Alexandra L.

PhD (in Culture Studies), Senior Researcher, Mass Media Arts Department, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky Lane, 125009, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0465-4728
ResearcherID: AAV-4275-2021
lvovushka@yandex.ru

Keywords: ritual, social networking sites, photography, privacy, publicity

Yurgeneva Alexandra L.

Photography, Social Networking Sites,
and Modern Rituals

Аннотация. Фотография является сегодня неотъемлемой частью общения в социальных сетях и мессенджерах. Одновременно актуальность приобрела тема повседневных и индивидуальных ритуалов, которые в том числе связаны с новыми медиа. Виртуальная коммуникация, где сообщения могут быть адресованы сразу целой группе оппонентов, предполагает формирование новых или преобразование уже существующих ритуалов. В процессе такого общения оказываются активно задействованы цифровые фотоизображения. В статье проанализированы некоторые современные практики публикаций фотографий в социальных сетях и раскрыты их ритуальные функции. В ходе исследования обнаружена их связь с процессом трансформации старых ритуалов. Автор отмечает, что фотография в интернет-пространстве выполняет ряд основных ритуальных функций, а именно функции социализации, интеграции, воспроизводящую и психотерапевтическую функции. Было выявлено, что такая необходимая черта ритуала, как устойчивая и повторяемая форма, в случае фотографии воплощается в формировании канонов изображений, создаваемых и публикуемых с той или иной целью. Таким образом, происходит актуализация уже существующих в изобразительном искусстве жанров (натюрморт, Мадонна с младенцем и др.) и тех направлений фотографии, которые уже хорошо разработаны в области массмедиа и научно-популярного контента (светская хроника, архитектурная и этнографическая фотография). Итогом исследования стали выводы о том, что создание и публикация снимков в соцсетях способствуют ритуализации и эстетизации повседневной жизни, а также позволяют рядовому пользователю заявить о своем существовании в ответ на излишек образов медийных персон в визуальном пространстве.

Abstract. Photography currently forms an integral part of communication on social networking sites and in messengers. Another topic that has become relevant is daily individual rituals, which are also associated with new media. Virtual communication, where messages can be addressed to a whole group of recipients at once, involves the establishment of new rituals or the transformation of the existing ones. In such communication, digital photo images are actively applied. In the present article, the author analyzes some modern practices of publishing photos on social networking sites and reveals their ritual functions. The study shows that photography on social networking sites is connected with the process of transformation of old rituals. The author highlights that photography on the Internet performs several basic ritual functions, namely the functions of socialization and integration, as well as the reproducing and psychotherapeutic functions. It has been found that such an important feature of a ritual as its stable and repeatable form, as applied to photography, is expressed in the development of canons of photographic images created and published for a particular purpose. Thus, the existing genres of visual arts (e.g. still life, Madonna and Child, etc.) are gaining newfound relevance, and so are the well-developed photography forms of mass media and popular science (e.g. personals, architectural and ethnographic photography, etc.). The result of the study is the conclusion that creation and publication of images on social networking sites contribute to the ritualization and aestheticization of everyday life and allow an average user to declare their existence in response to excessive images of media personalities in the visual space.

Введение

Если в недавних публикациях Е.А. Кондратьева речь шла о потенциале художественной уникальности фотографии [6] и ее интегрированности в философский дискурс [7], то в данной статье мы сосредоточимся на социальном и медийном потенциале фотографии. Как именно происходит интеграция существующих техник и формул социального взаимодействия в интернет-среде с помощью фотоизображений? Виртуальная коммуникация, которая стала для многих неотъемлемой частью повседневной жизни, а для некоторых даже основной формой общения с людьми, не входящими в семейный круг, формирует специфические черты современного личного и делового общения, влияет на социальную жизнь общества в целом, а также на персональные когнитивные способности. Страницы пользователей социальных сетей наполняются их фотоизображениями, и, казалось бы, в этой нарциссической традиции на самом деле нет необходимости. Однако междисциплинарное исследование Э.Б. Смита и его соавторов показало, что при виде знакомого лица происходит активация тех участков головного мозга, которые отвечают за «автоматическую актуализацию знаний о человеке» [17, р. 162]. А этот механизм, в свою очередь, «облегчает адаптацию собственных мыслей и влияет на поведение индивида для продуктивного взаимодействия с другими» [17, р. 162]. Таким образом, для продуктивного общения в сети, для функционирования социальных сетей как коммуникативной среды, максимально приближенной к реальному «офлайновому» общению, необходимы фотоизображения пользователей. Но циркуляция фотографий в социальных сетях происходит не в хаотическом порядке. В ходе становления виртуальной коммуникации складывались ритуальные формы, которые предполагают использование фотографий, поэтому в нашей статье мы не могли обойти столь востребованную и актуальную в современной науке тему ритуалов.

Сегодня исследования, проводимые в рамках самых различных сфер научного знания, уделяют большое внимание изучению социальных сетей. Это относительно новая область для поиска данных, и обращение к ней связано с рядом этических проблем, которые нам еще предстоит решить. В зарубежном исследовании, проведенном учеными во главе с П. Тубаро, отмечается, что «...растущее беспокойство

общественности по поводу защиты данных и конфиденциальности затрудняет оправдание сбора реляционной информации с именами и атрибутами участников сети. Еще одно последствие повсеместной дигитализации — усложнение разговора об исследованиях сетей, не связанных с медиатехнологиями, и недопонимание, возникающее из-за путаницы между понятиями *социальные сети* и *социальные медиа*» [18, р. 2]. В заключительной части своей работы авторы отмечают необходимость выработки этических принципов при использовании в научных целях данных из социальных сетей. Ближе к этому вопросу находятся идеи П.Ф. Бранинга и его соавторов: они обращаются к проблеме негативного взаимовлияния связанных социальными связями людей, которая в эпоху виртуального общения оказывается еще более объемной. Авторы указывают на то, что «социальные медиа по своей сути могут расширить наше воздействие на позитивные, нейтральные и негативные социальные силы из наших социальных связей, которые делают нас восприимчивыми к социальному влиянию. Таким образом, распространение цифровых платформ и технологий увеличило социальные силы, с которыми мы сталкиваемся, как онлайн, так и офлайн» [13, р. 750].

Facebook, как одна из самых популярных социальных сетей, часто становится объектом изучения. В частности, внимание исследователей К. Ито, С. Янга, Л.М.В. Ли привлекла традиция ставить на аватар двойную фотографию в случае, если партнеры хотят публично заявить о своих отношениях: «Публикация двойной фотографии относится к акту вовлечения партнера в фотографии профиля, что символизирует слияние личности человека с его или ее партнером» [14, р. 5]. Речь здесь идет действительно о знаковом действии, и хотя авторы очень близко подошли к проблеме ритуализации виртуального общения, этот аспект не был раскрыт ни в этой, ни в других статьях.

Ритуализация виртуального общения

Действительно, современные технологии, проникая в различные сферы нашей жизни, формируют специфические элементы бытового и социального поведения. Однако часто они возникают не на пустом месте, а являются видоизмененной формой уже давно существующих моделей. Тема участия медиа в этих процессах и ритуализации их

повседневного использования уже привлекала к себе внимание исследователей. Б.С. Ларсен и Т. Тафт, сравнивая связанные с семейным просмотром телевизора в Дании и в Бразилии обычаи, отмечают очень важную черту: ритуалы использования медиа оказываются похожими и несут одну и ту же социальную функцию вне зависимости от этнографических различий между группами [15, р. 90]. При этом исходные характеристики медиа определяют то, в переосмыслении какого ритуала они будут задействованы.

Фотография также постепенно оказалась задействована в процессе перерождения ритуалов. Причем особенно интенсивно это проявилось в цифровой (и оцифрованной) фотографии благодаря расширению ее, по сравнению с аналоговой, коммуникативных возможностей. Цифровую фотографию сразу после ее создания очень легко отправить другому человеку или группе людей и моментально получить на нее ту или иную ответную реакцию. Это создает эффект одновременности, общности, которой совершенно не мешает пространственная разрозненность участников. Н.А. Хренов подчеркивает, что свойство «ритуала способствовать развитию социальности, т.е. объединению индивидов в большие человеческие коллективы... соотносима с его следующей универсальной функцией — сплачиванием индивидов... возникновением между ними интенсивных дружественных связей» [10, с. 57]. Именно такие процессы, как мы увидим, реализуются в практике размещения фотографии в социальных сетях.

Одновременно мы можем наблюдать, как в сетевой среде происходит преодоление той замкнутости частной жизни, которая еще недавно возводилась в ранг одной из самых главных ценностей социального существования. На протяжении всего XIX века выстраивалась система отношений, защищающая приватное пространство. Причем речь идет не только о частной собственности, но и о свободном, не занятом работой, времени, а также свободе телесных жестов [см.: 11]. В XX веке идее неприкосновенности повседневности простого обывателя сопутствовало страстное желание знать все о жизни медийных персон. Как известно, частью расплаты за славу, успех и любовь поклонников становится утрата абсолютной приватности. При хорошо отлаженной системе отношений со СМИ обнародование сведений о деталях существования публичной личности удается регулировать (примером этого может служить прежде всего жизнь государственных

руководителей от советских генсеков до британской королевской семьи). Концепт «мой дом — моя крепость» сегодня по-прежнему имеет огромное значение.

Но возможность запечатлеть на бесчисленных цифровых снимках мгновения из своей жизни и жизни своих близких рождает идею создания своеобразной параллельной реальности, существующей в форме визуальных образов, выстраивающихся в настоящую семейную летопись. И что самое главное, эту реальность человек способен регулировать. Он сам формирует ее структуру и отвечает за ее наполнение: отчасти каждая публикация в соцсетях — это такое маленькое произведение, автономное от самого жизненного процесса. Благодаря чему у автора складывается ощущение дистанцированности публикуемых материалов от реальных событий, послуживших поводом для публикации. Это, в свою очередь, усиливает чувство безопасности самих «действующих лиц» медийной летописи.

Такая «откровенность» и готовность немедийных лиц вести относительно публичную жизнь в сети напрямую вторит огромному массиву медиаматериалов, посвященных «жизни звезд». Благодаря возникновению виртуального пространства для общения, в равной степени открытого для всех желающих, теперь обычному человеку есть что предложить медиасреде. Он заявляет о собственном существовании не профессиональными свершениями, но самим фактом своего присутствия в мире — о чем и свидетельствуют приватные публикации.

Для большинства пользователей сети аудитория ограничена реальным кругом друзей, родственников и коллег. Еще совсем недавно право на публичность признавалось допустимым только для тех, кого избрали СМИ. А для этого нужно было быть действительно выдающейся (в самом широком смысле слова) личностью: помимо представителей власти, артистических или спортивных специальностей, публичность получали и маргинальные личности, которые какое-то время вызывали интерес в силу совершенных ими преступлений. Во всех остальных случаях скромность, законопослушность и размеренность существования признавались наиболее достойными как в западноевропейском обществе, где пуританская мораль все еще сохраняла свои позиции, так и в странах с тоталитарным опытом. Однако эти традиционные идеалы приводили к модели незаметного и «бесследного» существования. Единственным достойным поводом заявить о себе для рядовой

социальной единицы были, пожалуй, профессиональные заслуги и трудовые подвиги. Телевизионные шоу (в том числе ток-шоу с публичным обсуждением событий частной жизни, которые противоречили моральным нормам общества, и шоу талантов с участниками самого разного уровня способностей) допускали образы рядовых граждан в визуальное пространство массовой культуры лишь на несколько коротких мгновений. И затем о них очень быстро забывали.

Кроме того, для представителей интеллектуальной элиты стремление к публичности до сих пор представляется не вполне пристойным, особенно если речь идет о демонстрации маленьких обыденных эпизодов. Умберто Эко, к примеру, пишет о добровольном отказе от privacy с нескрываемым раздражением: «Посещая домашние странички, обнаруживаешь, что целью множества людей является обнаружение своей малоинтересной нормальности или, хуже того, малоинтересной ненормальности» [12, с. 164]. Прежде мещанство ассоциировалось с приторно уютным, патологически организованным бытом и консервативными установками, призванными его защитить. Теперь же вынесение приватных сторон жизни на всеобщее обозрение и демонстративный эгоцентризм, стремление показать себя всем желающим со всех (разумеется, лучших) сторон воспринимается как одна из новых форм проявления мещанского самосознания в культуре. При этом повседневность и персональные образы часто оказываются организованы и приукрашены на уровне визуальных репрезентаций. К слову, чем большей любительской постобработке подвержен снимок, тем сильнее в нем прочитывается, как правило, мещанское начало.

Вопиюще плохое качество редактирования снимков, которое, однако, воспринимается авторами как усовершенствование образа по сравнению с оригиналом, — типичная черта таких саморепрезентаций. При этом современные медийные персоны также ведут социальные сети, где публикуют фотографии более личного характера, чем можно увидеть в СМИ (правда, здесь границы также проницаемы). Они, как правило, тоже постановочные, хотя и показывают повседневную жизнь звезд — однако им хочется, чтобы и эта повседневная жизнь была продолжением «красивой жизни», «сладкой жизни». И это во многом отвечает ожиданиям их поклонников. Собственно, сегодня мы наблюдаем сосуществование двух тенденций в интернет-

пространстве: стремление защитить свое право на приватность и анонимность и, напротив, желание заявить о себе на весь мир.

Е.С. Сакович пишет о том, что «тенденция к деанонимизации с появлением социальных сетей лишает человека возможности использования масок, которые необходимы для существования публичности и реализации своей персональности в различных контекстах» [8, с. 41]. Однако это не совсем так. Виртуальная среда является безусловно публичным пространством, где маски формируются несколько иначе, чем в физической реальности. Здесь приватные черты являются ее неотъемлемой частью с той оговоркой, что они подбираются в соответствии с выбранным образом (в идеале он должен быть наиболее приближен к истинной личности пользователя, во всяком случае, правдивость — это на сегодня хороший тон). Ведь есть и такой нюанс: страницы в социальных сетях, лишенные личной информации (в том числе фотографий не только пользователя, но его близких и домашних животных), воспринимаются как лишенные всякой витальности и ассоциируются с машиной (то есть интернет-ботом), а не с живой личностью.

Конфликты возникают из-за неоправданных ожиданий, из-за несоответствия социального положения или профессионального статуса индивида и содержания страницы в соцсетях, когда вдруг обнаруживается, что вкусы человека не отвечают каким-либо корпоративным нормам, существует зазор между саморепрезентацией в рабочей среде, к примеру, и в компании друзей, не являющихся коллегами по работе. Собственно, от этого защищает частную жизнь обозначение ее как области «приватного»: «Конфиденциальность [privacy] дает нам свободу [развивать] наши интересы и личность таким образом, который не всегда совместим с социальными нормами» [16, р. 80].

Можно предположить, что сейчас еще не до конца сформировалась этическая норма взаимоотношений между виртуальной и реальной социальностью. Каждый пользователь интуитивно выбирает приемлемый для себя способ репрезентации в виртуальной среде. М.А. Кронгауз говорит об отсутствии точного представления о том, является ли интернет-среда персональных страниц в целом публичным или приватным пространством. Он использует понятие «публичная интимность» и, анализируя ряд скандалов, связанных с высказываниями блогеров на своих страницах, пишет следующее:

«А интерпретация, по-видимому, такова, что мы не знаем, что делать и как себя вести или, говоря научно, как правильно осуществлять коммуникацию в новых условиях. Блогосфера, изначально задуманная как интимное пространство, стала пространством социальным, в котором, правда, тоже можно оставаться одиноким и непубличным» [6].

Подвергшиеся чрезмерной правке с помощью графического редактора фотографии или снимки, где за реальную повседневность выдаются случайные пафосные декорации — это явление массовое, но все-таки это экстремальная точка на умоглядном графике использования соцсетей. Большею частью на личных страницах мы видим эпизоды из самой обычной чужой жизни с ее радостями и горестями. Действительно, в связи с интернетом и соцсетями можно отчасти говорить о возврате к жизни на виду с «проходными комнатами». Но это также свидетельствует об ощущении защищенности человека в сети (что порой не совсем оправдано) и о его внутренней уверенности, что он ничем не хуже тех персон, которых он постоянно видит в СМИ.

Интернет открыл как бы обходной путь из замкнутости приватной жизни в новое социальное пространство, понимаемое как вполне безопасное, которое пользователь может конструировать в соответствии со своими вкусами и интересами. Мануэль Кастельс, представляя взгляд социологов на интернет-коммуникацию, характеризует ее как «сетевой индивидуализм» [5, с. 158]. Исследователь также отмечает, что «не интернет создает модель сетевого индивидуализма, но развитие интернета обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности» [5, с. 157]. Здесь в том числе легче поддерживать связь с более широким кругом знакомых и родственников, а членство в одной из групп, посвященных малой родине (городу или району), транслирует эмоциональное представление о «своей территории» за пределы своего жилья.

Очень интересные результаты дал эксперимент, в рамках которого отслеживались изменения в социальной активности людей при получении ими доступа к интернету и электронной почте⁽¹⁾: «элек-

(1) Эксперимент проводился Вивьен Уоллер в 2000 году, когда еще не существовало таких масштабных и популярных соцсетей, как MySpace (основана в 2003 году) и Facebook (основана в 2004 году).

тронная почта позволила целому ряду домохозяйств прийти к тому, что она называет „семьями выбора“, путем включения в повседневную жизнь семьи посторонних, знакомство с которыми состоялось через интернет или же контакты с которыми развивались и улучшались посредством поддерживаемого интернетом взаимодействия на протяжении определенного периода времени» [5, с. 159]. Это виртуальное пространство предполагает постоянное (повседневное) взаимодействие с группой людей, с которыми отношения в реальной жизни могут быть самой разной степени близости: от полного ее отсутствия в силу географической удаленности друг от друга до самых близких, в случае с членами семьи, живущими под одной крышей. В условиях этой новой социальной среды неизбежно возникают свои ритуальные практики, которые ее поддерживают.

«Постмедийная среда характеризуется трансляцией себя как медиа» [8, с. 41]. И некоторые оказываются способны извлечь из этого выгоду. При определенном подходе, который подразумевает, например, доступ к контенту всех желающих, соблюдение конкретной тематики и стилистики, публикации рядового пользователя становятся полноценным медийным проектом и могут собрать обширную аудиторию. Это может получиться случайно в результате невольной «выстрелившей» публикации, а может быть спланировано. Таким образом, публикации в интернете могут стать для их автора социальным лифтом, который предполагает прежде всего коммерциализацию контента и, конечно, приобретение автором статуса полноценной публичной персоны. Однако если создание и публикация снимков начинает становиться самоцелью и происходит разрыв с реальными событиями в жизни человека, то утрачивается и ритуальная составляющая.

Большую роль в проникновении фотографии в ритуал сыграли два фактора. Во-первых, ритуализация повседневности, в результате которой важное место заняли индивидуальные ритуалы или ритуалы небольших, например семейных, групп. И сегодня исследователи со всей серьезностью рассматривают такие повседневные события, как завтрак, просмотр телевизора, детские дни рождения, семейный отдых и школьные традиции, в качестве ритуалов, имеющих значение для формирования социальности. Уже Э. Дюркгейм отмечал сплетенность индивидуального культа с обыденной жизнью [4, с. 524]. Этому также посвящены более современные исследования, к примеру К. Вульфа,

который анализировал жизнь одной из начальных школ Берлина [2]. В этом же направлении ведет работу Ю.А. Хамрина. Она так характеризует «индивидуальные ритуалы» западноевропейской культуры: «В этой культуре индивидуальные ритуалы направлены на то, чтобы отделить себя от общества, показать себя Другим по отношению к данному обществу, выразить свою индивидуальность» [9, с. 54].

Вторым фактором стало то, что сегодня фотокамера есть, кажется, абсолютно во всех телефонах, планшетах и в некоторых электронных часах, то есть в портативной технике небольшого размера, которая повсюду сопровождает человека. При этом значимость взгляда и его фактическое соответствие «касанию» в системе ритуальных отношений, выделяемые Э. Дюркгеймом наряду с речью [4, с. 517–518], поддерживает уверенность в оправданности нашего внимания к фотографии. Далее мы выделим несколько, на наш взгляд, показательных включений фотографии в ритуал. На их примере проследим, какие именно ритуальные функции она выполняет.

Ритуальные функции современной фотографии

Самый, вероятно, очевидный пример — это свадьба, ведь фотография уже довольно давно стала неотъемлемой частью этого события. Основная ее функция — сопровождение и фиксация изменения социального статуса двух людей и рождения новой семьи. При этом она может проявлять различные черты. Часто практикуется проведение съемки, предваряющей само событие (и временной разрыв может быть достаточно серьезный — от пары дней до месяца), поэтому фотосъемка может выступать в роли предваряющего ритуала, когда происходит своего рода примерка новых ролей. Жених и невеста здесь позируют в свадебных нарядах, и по визуальным признакам определить, что съемка проходила в другой день, почти невозможно. Единственное, что может выдать, это узнаваемые фрагменты географии места съемки (романтические кадры из Парижа, например).

Интересен тот момент, что фотография акцентирует фигуру невесты, в чем продолжает древние традиции. Фотографии нередко отображают смену платьев в течение свадьбы, которая когда-то была связана с символическим значением каждого наряда. Фотосъемка также может предполагать серию различных образов невесты, в том

Ил. 1. В. Киришин. Сборы невесты. Фотография. Интернет-журнал «Женский калейдоскоп». URL: <https://mykaleidoscope.ru/svadba/8025-utrennie-sbory-zhenihov-i-nevest-60-foto.html>

числе в окружении своих подруг. Эти кадры призваны во всей полноте раскрыть привлекательность невесты и ее женственность. И в этом можно узнать тот элемент свадебной церемонии, который когда-то отвечал за плодородие.

Сегодня свадьба часто становится для невесты тем пространством, где она может проявить те «чрезмерно женские» стороны, в которых отказывает себе в повседневности. И нередко, «дорвавшись», она может утратить чувство меры (отсюда появляются безумные кринолины, сверхглубокие декольте, самые длинные наращенные ресницы и проч.). На свадьбу женщина иногда делает профессиональный макияж, маникюр и надевает платье, ассоциирующееся с нарядами сказочных принцесс или звезд с красных дорожек. Это то время, когда она чувствует себя в праве отказаться от ролей, которые открыты перед ней в современном обществе, ценящем хорошее образование и качества, полезные для профессиональной карьеры. На свадебных снимках невеста примеряет на себя архетипическую роль женщины, делает акцент на внешности и при этом лишена страха оказаться во власти этой роли навсегда. Скорее, это игровая ситуация. В игровой атмосфере женщина может также подняться на короткое время над той социально неблагоприятной средой, в которой она существует изо дня в день и куда она вернется сразу после свадьбы. Она по-

зирует, оставив за кадром свой ноутбук, офисный строгий костюм, микроскоп, станок, грядки, скотину, шпатель или подъемный кран (хотя могут быть и ироничные снимки, где вся эта атрибутика намеренно включена в пространство снимка). Фотограф будет стараться подогнать образ под каноны фотографий невест — романтических, женственных, загадочных и сексуальных, — отсылающих, опять же, к глянцевым журналам.

Уход от стандартизации происходит по нескольким сценариям. Это может быть намеренно ироничное включение бытовой или профессиональной атрибутики, которое одновременно подчеркивает, что новый статус замужней женщины не станет причиной крушения ее карьеры. Другой вариант — это, напротив, еще большее погружение в «глянцевую сказку», требующее, правда, больших денежных вложений. Участие в съемке подруг невесты демонстрирует силу их дружбы и желание разделить ее радость, она как бы берет их с собой в новую жизнь, подчеркивая, что их отношения всегда останутся прежними. Подружки теперь не провожают невесту и не прощаются с ней, как это происходило в традиционных свадебных обрядах, но сопровождают ее и дальше по жизни (а вот избранники при этом могут как раз время от времени меняться). Акцентирование женской дружбы как источника тех приключений, переживаний и коммуникативных задач, без которых жизнь не будет полной, уже давно представлено в массовой культуре. В анимации и кинематографе постоянно фигурируют группы подруг, выступающие в качестве главных персонажей: здесь можно вспомнить героинь сериалов «Секс в большом городе», «Сейлор Мун», «Охотники за привидениями 3», «Уже скучаю по тебе» и т.д.

В костюмированных фотосессиях, отсылающих, например, к любимым кинофильмам, можно часто увидеть и невесту, и жениха. В любом случае это будет игра, сопровождающая смену семейного положения. Фотосъемка представляет собой тот фантастический беспорядок, который разбивает привычное пространство повседневной жизни новобрачных перед тем, как оно соберется для них вновь уже как для супружеской пары. И хотя сегодня жизнь пары после свадьбы иногда практически никак не меняется (допустим, если вопрос рождения детей они решили отложить), свадебная фотосъемка символически разделяет время до и после официального бракосочетания.

Такая неоднородность и многосоставность брачных обрядов была отмечена А. ван Геннепом: «Все эти обряды, имеющие особую и приуроченную к определенному времени цель, наслаиваются на обряды перехода или комбинируются с ними иногда столь тесно, что неизвестно, является ли конкретный обряд, к примеру, предохранительным обрядом или обрядом отделения» [3, с. 16].

Второй вариант, который может быть как единственным, так и дополнительным, — это фотосъемка во время всей последовательности этапов свадьбы (облачение невесты и жениха, загс, венчание, прогулка, застолье, проводы новобрачных). Причем фотосъемка в церкви во время венчания может проводиться точно так же, как и в загсе, профессиональным фотографом или кем-то из гостей. Сегодня фотография сопровождает и религиозный обряд таинства, становясь его частью. Приглашенный фотограф может предложить молодоженам приехать заранее и сделать постановочные снимки в храме, используя красиво падающий из окон свет, блики свечей и отражения в застекленных иконах для создания эффектных кадров. В большинстве храмов никто не будет возражать, однако фотограф должен соблюсти правила: спросить предварительно благословения у священника, не использовать вспышку, а также соблюдать ряд запретов, касающихся перемещения по храму (например, не вставать между вратами и женихом и невестой). Фиксация с помощью фотокамеры всех церемониальных действий (и религиозных, и гражданских) создает документальную последовательность, отражающую постепенное изменение статуса жениха и невесты.

Винючники торжества, которые в силу волнения и стресса не всегда способны отразить все происходящее на месте, благодаря фотографиям и видеосъемке могут позже уже спокойно и осознанно восстановить события. Фотограф отбирает лучшие кадры и доводит их до совершенства с помощью постобработки и только в таком виде отдает заказчику. Фотосъемка как бы герметизирует все эти этапы в магическом застывшем времени, где действуют идеализированные образы людей. Она создает документ, подтверждающий, что жених и невеста были в этот момент прекрасны, счастливы и окружены группой сочувствующих близких, готовых разделить с ними момент их социального успеха.

О.Т. Лойко пишет о том, что «ритуал выступает одной из первых форм, представляющих... социальную память, которая способна

в дописьменной культуре не просто сохранить свое содержание, а адекватно передать его последующим поколениям» [7, с. 152]. Но для выполнения этой задачи требовалось непосредственное воспроизведение одних и тех же ритуальных действий членами группы. Фотография и видео берут на себя эту функцию повторения, отделяя ее от тела участников и заменяя их документальными визуальными образами. Изображение всего ритуала становится, с одной стороны, его свидетельством, результатом, а с другой — его хранилищем. И в целом их даже не обязательно постоянно пересматривать, достаточно лишь одного знания того, что они могут быть при необходимости репрезентированы.

Здесь фотография выступает лишь фрагментом общего действия. Однако она может становиться и более самостоятельной, реализуя воспроизводящую функцию ритуала. Речь идет о повторении запечатленных на фотографии эпизодов, как правило, из жизни семьи или близких друзей. Это может быть повторение, опять же, свадебного снимка спустя многие десятки лет (в той же одежде и в тех же позах) по случаю годовщины. Фотография будет вновь сопровождать повторение клятв.

Или же это может быть просто бытовая сцена, где запечатлены члены одной семьи (часто родители с детьми). Спустя годы этот эпизод оказывается воссоздан благодаря фотографии. Причем именно благодаря фотографии удастся точное воспроизведение момента (антураж, одежда, мимика), а главное, для создания снимка участники должны действительно повторить все это в реальности, заново проиграв ситуацию. Игровая постановочная ситуация, воспроизводящая прошлое, будучи запечатленной, обретет ту же степень реальности, что и сценка на фотографии-оригинале. По мнению К. Вульфа, «поскольку ритуалы являются инсценированием и исполнением тела, то они чаще всего имеют больший социальный вес, нежели чистая дискурсивность» [2, с. 25]. А значит, такая полушутливая фотографическая практика действительно имеет большое значение. Процесс создания снимка делает прошлое настоящим, а не просто отмечает связь между разведенными во времени моментами.

Встречаются фотографии, где дети и внуки демонстрируют, что они являются преемниками в профессиональной области или в плане получения образования своих предков (родителей или родственников

Ил. 2. Пользователь Reddit Neurotansy. Я и мой дедушка в медицинской школе с разницей в 70 лет (с одинаковым недосыпом). Фотографии. URL: https://www.reddit.com/r/pics/comments/dfwpgg/me_and_my_grandpa_in_medical_school_70_years/

более далеких поколений). Они позируют во время работы или в той же локации (если речь идет, например, о колледже или университете), повторяя иконографию старой фотографии. Примерно то же самое происходит в архаических ритуалах, которые воспроизводят эпизоды мифов. Анализируя подражательные практики племени варрамунга, Э. Дюркгейм писал: «Обряд состоит лишь в том, что люди вспоминают прошлое и делают его в некотором роде настоящим посредством целого драматического представления» [4, с. 621]. Снимки также проецируют достижения предков на потомков, утверждают родственные связи и поддерживают их символически. Ю.А. Хамрина называет

функцию ритуала, обеспечивающего связь поколений, «функцией сохранения социальной памяти» [9, с. 53].

Создание фотографии может выполнять интегрирующую функцию. Последующее размещение снимка в социальных сетях становится своего рода инициацией, «крещением» в значении принятия нового члена в группу и приобщения к ее ценностям. В этом случае есть соблазн назвать это преобразованием старого ритуала, однако более правдоподобным будет обозначить это действие как создание нового ритуала на основании существующей модели. Нередко первое представление нового члена семьи «общине» (то есть кругу друзей, коллег и знакомых) происходит именно в виртуальном пространстве. Причем первые снимки могут и вовсе не содержать изображения ребенка, там может быть сфотографирован некий предмет, означающий рождение ребенка (к примеру, метрика или детская одежда). Или же может быть изображен обобщающий, почти ничего не говорящий об индивидуальных чертах фрагмент тела (пятка, макушка и т.д.). Фотография здесь буквально подхватывает младенца и переносит его в новую социальную действительность, пусть и виртуальную. Посредством документального визуального образа осуществляется этот момент перехода. Снимок играет здесь ту же самую роль, что и кровь, волосы или другие небольшие фрагменты плоти иницируемого, использовавшиеся в архаических обрядах. Подобное явление можно наблюдать в современном использовании фотографии в области эзотерики, где предполагается, что запечатленный образ становится объектом, транслирующим оказанное на него символическое действие на человека. Публикация первых снимков ребенка — это, несомненно, современный ритуал, включенный в социальную жизнь общества.

Фотография может становиться своего рода ритуальным жестом, что возможно благодаря легкости создания снимка с помощью встроенной в телефон камеры. Взмах руки и короткая манипуляция устройством уподобляются иногда совершению крестного знамения. Христианин совершает его, встречая храм, а нерелигиозный человек его фотографирует (хотя нет никакого противоречия в том, чтобы совершить сперва одно, а затем другое действие) — не потому, что хочет установить связь с высшими силами, но будучи ведомым, к примеру, эстетическим чувством или признанием его исторической ценности. В любом случае, он обращается к некому надличностно-

му масштабному представлению. Речь может идти необязательно о культовом здании, но также о памятнике или персоне, к которым человек испытывает пиетет или которые полагает значимыми для себя. Снимок может быть лишен всякой художественной ценности, но он служит свидетельством того, что человек почтил этот объект. При этом он может сам присутствовать в кадре, и тогда объединяется с объектом в едином визуальном образе, но этого может и не быть. Сфотографировать или сфотографироваться — сегодня это один из самых актуальных ритуальных жестов, отвечающих потребностям секулярного виртуализированного общества.

Одним из фотографических ритуалов, часто подвергаемых насмешкам, становится фотографирование пищи. Технически происходит запечатление, предвещающее ее принятие. То есть человек не станет есть свой завтрак, пока он его не запечатлеет. Причем он сразу после этого может выложить снимок в социальной сети и в процессе трапезы наблюдать за реакцией подписчиков. Это действие представляет собой своего рода благословление пищи, которое происходит посредством коммуникации. Цифровая фотография в силу легкости создания и размещения у себя на странице (этому способствует техническое оснащение самих соцсетей) провоцирует к обращению посредством нее к виртуальному сообществу. Описываемый фотографический ритуал оказывается разложен на этапы: создание снимка его только начинает, но завершает его обнародование и обязательно получение отклика (иначе он просто не имеет смысла). Таким образом, трапеза завершается не в тот момент, когда все было съедено, а тогда, когда снимок был замечен. Прежде так была ритуализована трапеза короля, которая должна была иметь свидетелей и участников, закреплявших во время нее свой социальный статус. Теперь это стало частью жизни простого обывателя в доступных для него формах дистанционного присутствия свидетелей.

Последний тип фотографии, о котором хотелось бы сказать, — это фотография туристическая. Сегодня мало кто не привозит снимков из поездки, у современного человека есть ощущение необходимости их создания. Причем в цифровую эпоху акцент делается в большей степени на потребности предъявить фотографии другим людям, чем на сохранении воспоминаний. Здесь, с одной стороны, выполняется коммуникативная функция. Моментальная публикация обеспечивает

путешественника эмоциональной поддержкой. В этом случае нет коллективного выплеска эмоций, однако есть момент сопереживания, поэтому можно говорить о реализации психотерапевтической функции. Одновременно человек с помощью фотографии фиксирует свое местонахождение в пространстве, словно бросает на своем пути маячки или оставляет зарубки. А. ван Геннеп характеризует путешествие как особое состояние: «Человек, который живет в своем доме, в своем клане, живет в светском мире, но как только он отправляется в путешествие и появляется в качестве чужака вблизи неизвестного лагеря, то оказывается уже в сфере сакрального» [3, с. 16–17]. Обретение своего места в чужеродной среде происходит в том числе с помощью фотографии.

Всякий ритуал обладает более-менее устойчивой формой. В большей степени это характерно для ритуала, подразумевающего большое число участников, где нужно упорядочить и синхронизировать действия группы. Для индивидуального ритуала требования в этом плане не такие жесткие. Формальная унификация в случае с фотографией обнаруживается скорее не в самом процессе создания изображения, а в образцах иконографии снимков, сделанных по различным поводам. Такие источники могут относиться к разным эпохам.

Фотографии еды очевидно соотносятся с жанром натюрморта. Главным отличием от традиционного изображения этого жанра (живописного или фотографического) является ракурс съемки, который обычно берется с верхней точки. Подобное решение использовалось в работах художников-авангардистов. И не случайно для своих страниц в соцсетях пользователи обращаются именно к нему: оно дает достаточно субъективное изображение, как если бы человек подошел к столу и смотрел на него отстраненно, как на абстрактную композицию. Кроме того, вид сверху позволяет достаточно подробно запечатлеть блюдо. Фрагментарные снимки детей и младенческой атрибутики во многом опираются на рекламную фотосъемку, где задача заключается в создании собирательного трогательного образа ребенка. Фотографии новорожденных на руках у кого-то из родителей были популярны уже в XIX веке, а их композиция, безусловно, отсылает нас к многочисленным образам Мадонны с Младенцем, где голые пятки малыша также отвечали за эмоциональное воздействие на зрителя.

Туристическая фотография находится на пересечении нескольких дискурсов, поскольку она предполагает разные объекты съемки. Это может быть архитектурная фотография, связанная с мотивом сохранения образа исторического наследия и одновременно этнографической информацией. Путешественник, даже когда следует по хорошо разработанному туристическому маршруту, по которому прошли уже миллионы человек, все равно будет ощущать себя немного первооткрывателем, исследователем. Свои переживания нового опыта он будет воспринимать как уникальные, стараясь даже в самых популярных объектах съемки нащупать что-то ускользнувшее от других. В случае если на снимке позирует и сам путешественник, акцент делается на его личности и событиях его жизни, поэтому такая фотография приближает нас к светской хронике. И здесь мы подходим, вероятно, к самому главному.

Подробное запечатление знаковых событий из жизни, как мы уже говорили, включает в себя копирование образа жизни знаменитостей. Это может быть поэтапная фиксация праздников (свадьбы, детского дня рождения, юбилея) или запечатление досуга, наполненного «культурными мероприятиями», которые ассоциируются с представлением о «светском» времяпрепровождении (посещение театра, поход на модную художественную выставку, открытие сезона скачек или набирающие популярность занятия в яхт-клубе и т.д.). Посетители фотографируются на широких лестницах старых театров, у больших зеркал или в специально предусмотренных организаторами декоративных зонах, посвященных тому или иному выставочному проекту. В любом случае стилистика этих снимков будет отсылать зрителя к иллюстрациям глянцевого журнала. Такое подчинение эпизодов своей жизни определенным канонам говорит о стремлении к ее эстетизации. Оформленные фрагменты собственного бытия, превращаясь в микропроизведения, обретают право быть предъявленными окружающим.

Заключение

Итак, фотография, благодаря своей тесной связи с установлением социальных связей в виртуальной среде, участвует в преобразовании ритуалов, становится их частью и формирует новые. В известной степени она актуализирует архаические черты в современности и воспроизводит устойчивые художественные формы в повседневном использовании визуальных медиа. Цифровая фотография реализует основные функции ритуала, которые выделяет А.К. Байбурин, интерпретируя работы Э. Дюркгейма: функции социализации, интеграции, воспроизводящую и психотерапевтическую функции [1, с. 31–32]. Таким образом, можно отметить, что фотографирование обнаруживает потребность современного человека в символизации и эстетизации своей жизни.

Мотивом для обновления ритуальной основы повседневности можно назвать сформировавшуюся сегодня особую форму дистанцированного общения. Его отличает частота виртуальных контактов, которые могут быть совсем краткими. Также теперь есть возможность поддерживать связь с большим количеством персон, что закрепляется их внесением в список друзей в соцсетях (или наоборот путем подписки на тематические группы и чаты). При этом нет необходимости обращаться персонально к каждому, достаточно создавать публикации, доступные сразу всем. И вот эта форма периодического обращения сразу к целой группе, которую человек хочет посвятить в какие-то подробности своей жизни, обозначить свою с ними общность, провоцирует ритуализацию повседневности, связанную с фотографией. Многие из этих снимков не предполагают долгого хранения в памяти портативных или стационарных устройств, они часто сиюминутны и обладают ценностью, только если их можно предъявить кому-то в этот момент (хотя иногда это действие может быть немного отложено во времени). Их можно описать, например, так: «вот мой завтрак», «вот я сходила в оперу», «я нахожусь в аэропорту», «у меня теперь есть классные ботинки» и т.д. Функция сохранения, свойственная фотографии, в этом случае отступает на второй план. Но сам снимок оказывается вовлечен в повторяющуюся коммуникативную формулу.

Доступная сегодня свобода перемещения, насыщенность и многообразие впечатлений, полученных в рамках непосредственно личного

опыта или опосредованно — из экранных произведений и других зрелищных форм, — одновременно пробуждает и тягу к коллективному и ритуальному взаимодействию, в нашем случае, с помощью визуальных образов. Можно предположить, что существует прямая связь между способом (или медиа) для реализации ритуала и тем источником информации, который в данный исторический момент обладает наибольшим значением для общества.

Список литературы:

- 1 Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
- 2 Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3 (13). С. 23–50.
- 3 Геннеп, ван А. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.
- 4 Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
- 5 Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
- 6 Кондратьев Е. А. Punctum и реинтерпретация в фотографии // Художественная культура. 2021. № 2. С. 38–59. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2021-2-38-59>.
- 7 Кондратьев Е. А. Фотография в «объективе» философии // Художественная культура. 2018. № 1. С. 46–63. URL: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/738/hk_2018_01_46_63_kondratiev.pdf (дата обращения 04.01.2022).
- 8 Кронгауз М. А. Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12. URL: <https://clck.ru/VJgKN> (дата обращения 02.06.2021).
- 9 Лойко О. Т. Ритуал в социальной памяти // Известия Томского политехнического университета. 2004. № 4 (307). С. 151–156.
- 10 Сакович Е. С. Диалектика приватности и публичности в виртуальном пространстве // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 35–41.
- 11 Хамрина Ю. А. Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе // Вестник Томского государственного ун-та. 2011. № 347. С. 53–56.
- 12 Хренов Н. А. Искусство в исторической динамике культуры. М.: Согласие, 2015. 752 с.
- 13 Юргенева А. Л. Спортивная фотография XIX века: социум и концепт движения // Художественная культура. 2019. № 3. Том 1. С. 170–217. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00031>.
- 14 Эко У. Утраченная укромность частной жизни // Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007. С. 148–167.
- 15 Bruning P. F. Alge B. J., Lin H. C. Social Networks and Social Media: Understanding and Managing Influence Vulnerability in a Connected Society // Business Horizons. 2020. Vol. 63. P. 749–761. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2020.07.007>.
- 16 Ito K., Yang S., Li L. M. W. Changing Facebook Profile Pictures to Dyadic Photos: Positive Association with Romantic Partners' Relationship Satisfaction via Perceived Partner Commitment // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 120. P. 1–40. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106748>.
- 17 Larsen B. S., Tufte T. Rituals in the Modern World – Applying the Concept of Ritual in Media Ethnography // Global Media Studies – Ethnographic Perspectives / Ed. by Patrick D. Murphy and Marwan M. Krady. New York: Routledge, 2003. P. 90–106.
- 18 Papacharissi Z., Gibson P. L. Fifteen Minutes of Privacy: Privacy, Sociality, and Publicity on Social Network Sites // Privacy Online: Theoretical Approaches and Research Perspectives on the Role of Privacy in the Social Web / Ed. by L. Reinecke, S. Tepte. Berlin; Heidelberg: Springer, 2011. P. 75–89.
- 19 Smith E. B., Brands R. A., Brashears M. E., Kleinbaum A. M. Social Networks and Cognition // Annual Review of Sociology. 2020. Vol. 46. P. 159–174. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054736>.
- 20 Tubaro P., Ryan L., Casilli A. A., D'Angelo A. Social Network Analysis: New Ethical Approaches through Collective Reflexivity. Introduction to the Special Issue of Social Networks // Social Networks. 2020. Vol. 67. P. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2020.12.001>.

References:

- 1 Bajburin A.K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture: strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskij obryadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p. (In Russian)
- 2 Vul'f K. Proizvodstvo social'nogo: ritual, emocii, vospominaniya [Production of the Social: Ritual, Emotions, Memories]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2010, no. 3 (13), pp. 23–50. (In Russian)
- 3 Gennep van A. *Obryady perekhoda: sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The Rites of Passage: A Systematic Study of Rites]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2002. 198 p. (In Russian)
- 4 Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoj zhizni: Totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow, Elementarnye formy Publ., 2018. 808 p. (In Russian)
- 5 Castel's M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflection on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2004. 328 p. (In Russian)
- 6 Kondratiev E.A. Punctum i reinterpretaciya v fotografii [Punctum and Reinterpretation in Photography]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2021, no 2, pp. 38–59. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2021-2-38-59>. (In Russian)
- 7 Kondratiev E.A. Fotografija v «ob'ektiv» filosofii [Photography in the «Lens» of Philosophy]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2018, no 1, pp. 46–63. Available at: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/738/hk_2018_01_46_63_kondratiev.pdf (accessed 04.01.2022). (In Russian)
- 8 Krongauz M.A. Publichnaya intimnost' [The Public Intimacy]. *Znamya*, 2009, no. 12. Available at: <https://clck.ru/VJgKN> (accessed 02.06.2021). (In Russian)
- 9 Lojko O.T. Ritual v social'noj pamyati [A Ritual in Social Memory]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2004, no. 4 (307), pp. 151–156. (In Russian)
- 10 Sakovich E.S. Dialektika privatnosti i publichnosti v virtual'nom prostranstve [Dialectics of Privacy and Publicity in the Virtual Space]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 2012, no. 3 (8), pp. 35–41. (In Russian)
- 11 Hamrina Yu.A. Sposoby i puti transformacii ritualov v sovremennom obshchestve [Ways and Means of Ritual Transformation in Modern Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta*, 2011, no. 347, pp. 53–56. (In Russian)
- 12 Hrenov N.A. *Iskusstvo v istoricheskoj dinamike kul'tury* [Art in the Historical Dynamics of Culture]. Moscow, Soglasie Publ., 2015. 752 p. (In Russian)
- 13 Yurgeneva A.L. Sportivnaya fotografija XIX veka: socium i koncept dvizheniya [Sports Photography of the 19th Century: Society and the Concept of Movement]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2019, no. 3, vol. 1, pp. 170–217. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00031>. (In Russian)
- 14 Eco U. Utrachennaya ukromnost' chastnoj zhizni [The Lost Privacy of Private Life]. Eco U. *Polnyj nazad! "Goryachie vojny" i populizm v SMI* [Turning Back the Clock! "Hot Wars" and Populism in the Media]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, pp. 148–167. (In Russian)
- 15 Bruning P.F., Alge B.J., Lin H.C. Social Networks and Social Media: Understanding and Managing Influence Vulnerability in a Connected Society. *Business Horizons*, 2020, vol. 63, pp. 749–761. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2020.07.007>.
- 16 Ito K., Yang S., Li L.M.W. Changing Facebook Profile Pictures to Dyadic Photos: Positive Association with Romantic Partners' Relationship Satisfaction via Perceived Partner Commitment. *Computers in Human Behavior*, 2021, vol. 120, pp. 1–40. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106748>.
- 17 Larsen B.S., Tuft T. Rituals in the Modern World – Applying the Concept of Ritual in Media Ethnography. *Global Media Studies – Ethnographic Perspectives*, ed. Patrick D. Murphy and Marwan M. Kraidy. New York, Routledge, 2003, pp. 90–106.
- 18 Papacharissi Z., Gibson P.L. Fifteen Minutes of Privacy: Privacy, Sociality, and Publicity on Social Network Sites. *Privacy Online: Theoretical Approaches and Research Perspectives on the Role of Privacy in the Social Web*, ed. L. Reinecke, S. Tepte. Berlin, Heidelberg, Springer, 2011, pp. 75–89.
- 19 Smith E.B., Brands R.A., Brashears M.E., Kleinbaum A.M. Social Networks and Cognition. *Annual Review of Sociology*, 2020, vol. 46, pp. 159–174. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054736>.
- 20 Tubaro P., Ryan L., Casilli A.A., D'Angelo A. Social Network Analysis: New Ethical Approaches through Collective Reflexivity. Introduction to the Special Issue of Social Networks. *Social Networks*, 2020, vol. 67, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2020.12.001>